

В.С. Мясников

ЗАМЕТКИ О МЕТОДОЛОГИИ СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПО КИТАЮ

(Доклад на XII чтении А. Крымского, Институт востоковедения НАН Украины,
Киев, 2–3 октября 2008 г.)

Мир смотрит на Китай с восхищением и опаской. Китай разделяет первую гамму чувств и протестует против второй. Он, в свою очередь, внимательно следит за миром. Особенно за собственным имиджем на мировой арене. Образ каждого государства у остальных участников процесса международных отношений создается в первую очередь его специализированными внешнеполитическими органами, но, кроме этого, и зарубежными специалистами, изучающими ту или иную страну. К такого рода специалистам как раз и относятся востоковеды.

Что такое методология науки? Совокупность приёмов, методов, принципов исследования, применяемых в научном познании мира, или короче – учение о научном *методе* познания. В качестве примера классического труда по методологии истории, например, можно назвать работу Г.Г. Шпета «История как проблема логики»¹.

Если обратиться к методологии китаеведения, то, прежде всего, следует сказать, что синология является частью ориенталистики, то есть изучения Востока в целом. Общность методологии можно проследить, обратившись к эволюции востоковедческих исследований².

Исследования европейцами Востока претерпели несколько этапов, прежде чем были выработаны современные методологические подходы.

Первый этап совпадает с эпохой великих географических открытий в XIV–XVII веках, что в основном свелось к поиску сухопутных и морских путей в страны Востока. Великие страны Азии – Индия и Китай манили европейцев своими богатствами, загадками своих цивилизаций. Этот ознакомительный период дал миру значительное количество описательной литературы, которая содержала географи-

ческие, политические, экономические, этнографические, антропологические и другие, отличавшиеся друг от друга той или иной степенью достоверности, сведения об этих странах.

Второй этап охватывает XVII–XVIII столетия. Он привел к установлению и развитию торговых и политических контактов Европы с Востоком. В связи с этим европейским странам потребовались специалисты, знающие восточные языки и нравы. Первые китаеведы в России изучали маньчжурский язык, который был государственным языком империи Цин. Начались переводы на русский язык основных книг, содержащих сведения о Цинском Китае. Этот **переводческий период** был увенчан изданием на русском языке «Бани тунчжи», что давало представление о происхождении маньчжуров, становлении их государственности, военной организации, обычаях. В свою очередь, это помогало понять, кто, как и почему правил в Китае. В это же время и в Западной Европе появились первые описания Цинского Китая, выпущенные католическими миссионерами.

В XIX веке этот **переводческий этап** был продолжен, но с тем отличием, что начались переводы основных классических (философских, политических, литературных) канонов Китая с китайского языка. Академик Н.И. Конрад, на мой взгляд, справедливо писал: «Научное востоковедение родилось как филология, и притом филология в своем исконном, исторически сложившемся смысле: как наука о письменных памятниках»³.

Так было в Западной Европе. Говоря о востоковедческих трудах известного французского писателя Ж.Э. Ренана, избранного в 1860 г. иностранным членом-корреспондентом Петербургской академии наук, Э.В. Саид отмечает: «Ренан

пришел в ориентализм из филологии, и именно благодаря исключительно богатой и выдающейся культурной позиции этой дисциплины он привнес оттуда наиболее важные технические характеристики ориентализма»⁴.

Так было и в России. Не случайно крупнейший востоковед XX столетия академик В.М. Алексеев подчеркивал, что «китаистику из всех прочих востоковедных дисциплин едва ли не приходится считать дисциплиной наиболее традиционной, поскольку ее европейская лаборатория до сих пор всецело зависит от вековой туземной лаборатории и ее продукции. Ввести что-либо новое и прочное в нашу науку можно лишь при основательном учете всех предыдущих достижений, которые, увы, до сих пор почти целиком заключены в китайском тексте, и выходит, что для изучения китайского языка нужно, прежде всего, знать этот самый китайский язык»⁵.

Западноевропейская ориенталистика в этот период подверглась влиянию идей европоцентризма. Европейская цивилизация сделала в XIX столетии исторический рывок в своем развитии. Это и стало питательной средой европоцентризма, адепты которого пропагандировали тезис о том, что якобы история человечества направлялась гением, волей и мощью европейского континента. Социально-экономические законы, формации, уклады, по которым жил этот континент, преподносились как универсальные. Европейский сюртук пытались надевать на восточный халат. Возникновению европоцентризма способствовала слабая изученность в Европе цивилизаций Востока.

Так как Россия исторически формировалась как евразийское государство, в котором Восток был существенным его компонентом, то русское китаеведение избежало той «детской болезни», которой был европоцентризм⁶.

Профессор Восточного факультета Петербургского университета С.М. Георгиевский, известный своими трудами в области древней истории Китая, первым попытка сформулировать практические цели

научного китаеведения в России. Он подчеркивал, что китаеведы должны помочь обществу выработать новый взгляд на обитателей Китая «многовекового, многомиллионного, связанного с нами узами той дружбы, которую в будущем может быть обеспечивать мир всего мира, на благо живущих в нем племен и народов»⁷.

Между тем состояние как отечественной, так и европейской синологии, по мнению С.М. Георгиевского, явно не отвечало задачам, выдвигаемым жизнью. «Синологии как установившейся науки еще не существует, – с горьким скептицизмом констатировал он, – в синологии нет ни определенных целей, ни утвержденных основ, ни выработанных приемов; синология смешивается еще с простым драгоманством, с умением переводить с китайского языка на тот или другой из языков европейских»⁸. Выход из этого положения С.М. Георгиевский правильно видел в дифференциации китаеведения. «Под синологией (ныне понятием весьма туманным), – писал он, – должна разумеется не одна какая-либо наука, а совокупность многих наук»⁹.

В конце XIX и особенно в XX веке наблюдался интенсивный процесс специализации гуманитарного знания, его дифференциации и возникновения новых научных дисциплин и областей научного исследования. Сформировался большой корпус научных дисциплин, которыми занималось академическое китаеведение. В него вошли языкознание, литературоведение, философия, археология, культурология, эпиграфика, древняя, средневековая и новая история, международные отношения, страноведение, этнопсихология, нумизматика и некоторые другие отрасли науки. В дальнейшем гуманитарные науки начали отделяться от социальных, которые также претендуют на изучение не только социальных дисциплин, но и культуры Китая в ее различных формах и модусах¹⁰.

Это вызывает необходимость выделить из всей совокупности гуманитарных и социальных дисциплин «основную науку», как ее определял еще Г.Г. Шпет. «Как основная наука, – отмечал выдающийся

философ, – должна быть и может быть принята только та наука, которая в области данного предмета изучает его в наибольшей полноте... это нормальная постановка вопроса, единственно разрешает проблему множественности научных методов и избегает всякого рода материализма в философии»¹¹.

Культура и предстает как тот регулятивный идеал, который позволяет найти способы **категориального и методологического синтеза** разнообразных гуманитарных и социальных наук, обеспечить интегральный образ знания.

Это знание хотя и использует разные методы (от методов естественных наук до метода «понимания», от структурно-функциональных до методов лингвистического описания), но оно едино в своей предметной сопряженности – в соотношенности с тем, что обычно называется культурой. Философия культуры и была призвана обеспечить цельность и интегративность распавшихся и постоянно дифференцирующихся гуманитарных и социальных наук с помощью идеи культуры, достичь согласия в научном сообществе относительно объекта исследования и методов исследования. Таким объектом исследования в синологии и стала культура Китая, которая позволила сомкнуть в единое целое объекты различных гуманитарных наук (от археологии до музыковедения, от теории литературы до архитектуры) и найти руководящий принцип при образовании их понятий. Напомню слова академика В.М. Алексеева, который утверждал, что «востоковедение есть наука, уничтожающая на карте точного познания культур мира белые или фальшиво окрашенные пятна»¹².

Еще В.М. Алексеев разделил китаеведение на две части: синологию китайскую и синологию европейскую¹³. Вот что он говорил о новых поколениях, например, китайских историков: «В новом Китае старый конфуцианский историк сменился новым историком общемирового типа, европейским ученым, перед которым вся предыдущая история китайского старого историка предстала, наконец, в виде миро-

вой проблемы, и он решает ее на общенаучных линиях, в которых конфуцианская идеология есть только объект изучения, а не идеологическая доминанта»¹⁴.

В КНР идеологической доминантой стал «приспособленный к китайским условиям марксизм». Впервые вопрос о необходимости приспособить марксизм к китайской действительности был поставлен Мао Цзэдуном на 7-м съезде КПК в 1945 г. Вновь такая постановка проблемы прозвучала на 17-м съезде КПК, в документах которого было четко указано: «“Последние достижения в применении марксизма в китайских условиях”, объединение его с теорией Дэн Сяопина, важными идеями о Трех представительствах и научным обоснованным подходом к Развитию и такими важнейшими стратегическими идеями, как “Теория социализма с китайской спецификой”, требуют тщательного их изучения»¹⁵. Целью изучения является применение этих теоретических установок во всех областях деятельности. На это и нацелены все усилия представителей общественных и гуманитарных наук в КНР.

В Китае тщательно следят за достижениями зарубежного китаеведения. Интересный опыт межцивилизационного общения представляет проводимый Шанхайской академией общественных наук раз в два года Всемирный форум китаеведов. В начале сентября 2008 г. состоялся Третий форум. Его девизом был избран лозунг: «Общие вызовы, общие усилия: совместно трудиться для лучшего мира». В чем главное содержание этой встречи ученых-китаеведов? Китайская синология анализирует достижения своей страны в различных областях и обосновывает пути и методы позиционирования Китая в мире как великой державы. Это взгляд из Китая на внешний мир, на иные цивилизации, страны, государства. Западная синология наблюдает Китай «со стороны». При этом пословица «со стороны – виднее» не оправдывает себя. При анализе китайской действительности европейская, американская и даже японская синология сегодня уже не может соревноваться с китайскими

обществоведами, гуманитариями, культурологами. Именно китайская синология выработала такие базовые понятия, как «теория мирного возвышения Китая», в которой китайской культуре отводится важнейшая роль в построении общечеловеческой цивилизации; «мир и гармония» – как методы обновления международных отношений.

Любопытно, что при анализе зарубежной синологии в Китае используется собирательный эпитет «заморские взгляды» – «Overseas Views and Trends of Research on China Studies». Суждения о перспективах китайской экономики в условиях глобальной макроэкономической ситуации китайские эксперты разделяют на три категории:

- **пессимистические взгляды**, например заявление японского экономиста Мизава: «Китай пойдет по стопам Японии, раздутая [экономика] лопнет и приведет к обратному отсчету времени»; или заявление российского эксперта Игоря Иванова о том, что «китайской экономике будет трудно освободиться из «нефтяного капкана».
- **оптимистические взгляды**, например, оптимистический взгляд представляет советник одного из ведущих банков Японии Мисамото Яширо, утверждающий, что Китай с его замечательной способностью учиться продолжает усваивать опыт соседних стран и извлекает уроки из прошлых ошибок, таким образом, не стоит беспокоиться о том, что раздутая китайская экономика лопнет.
- **нейтральные взгляды**, в своем докладе «Оценка глобальных рисков» его авторы Ричард Макгрегор, Джеймс Петрас и Марк Харрис придерживаются взгляда, что Китай стоит перед лицом сдерживающих экономических, политический, социальных и экологических факторов и рисков в его экономическом росте, но имеются потенциальные возможности их дальнейшего улучшения.

Всесторонний анализ и учет оценок зарубежного китаеведения, на мой взгляд, делает честь китайской синологии. В

ограниченном по времени докладе я могу лишь перечислить аспекты деятельности «заморских» экспертов, которые привлекли внимание китайской стороны. Это:

- 1) изменение позиции Китая в мировой экономике;
- 2) поддержание социальной стабильности в Китае и реформа его системы здравоохранения;
- 3) социальные сдвиги в современном Китае;
- 4) суждения о развитии демократии и правовой системы в Китае;
- 5) интеграция китайской и западной философии и взаимоотношение между конфуцианством и демократией;
- 6) многочисленные интерпретации в международных академических кругах «Подъема Китая».

В XXI веке востоковедами всех стран все более расширяется изучение кросс-культурных взаимодействий, использующее комплексную методологию сопряжения различных культур. Эта методология используется и в китаеведческих штудиях, как важный компонент постижения дихотомий Восток – Запад, Север – Юг.

В заключение хотел бы заметить, что, на мой взгляд, без понимания традиционной и современной китайской духовной культуры невозможно адекватно оценить те гигантские достижения в области производства материальных благ, которые мы видим в Китае в 30-летнюю годовщину его реформ.

И, вновь возвращаясь к имиджу Китая на мировой арене, хочу обратить ваше внимание на этапы его формирования, разворачивающиеся на наших глазах:

2008 год – успешно проведены Олимпийские игры;

2009 год – состоится празднование 60-летия КНР;

2010 год – всемирная выставка ЭКСПО – 2010 в Шанхае.

Мир будет продолжать следить за Китаем с восхищением. «Мир и гармония», «мирное возвышение Китая» – вот средства китайской политической медицины, предложенные миру для избавления от синдрома китаебоязни.

- ¹ Шпет Г.Г. История как проблема логики. Критические и методологические исследования. Материалы. В двух частях / Под общ. ред. и с предисл. ак. В.С. Мясникова. М., 2002.
- ² О развитии востоковедения на Западе см.: Сайд О.В. Ориентализм. Западные концепции Востока / Перев. с англ. А.В. Говорунова. СПб., 2006.
- ³ Конрад Н.И. Запад и Восток. Статьи. М., 1972. С. 7.
- ⁴ Сайд Э.В. Ориентализм. Западные концепции Востока. С. 203.
- ⁵ Алексеев В.М. Н.Я. Марр. К характеристике ученого и университетского деятеля. В кн. «Наука о Востоке». М., 1982. С. 30.
- ⁶ Подробнее см.: Скачков П.В. Очерки истории русского китаеведения. М., 1977.
- ⁷ Георгиевский С.М. Важность изучения Китая. СПб., 1890. С. 271.
- ⁸ Георгиевский С.М. Граф Л. Толстой и «Принципы жизни Китая». СПб., 1889. С. 6.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Подробнее см.: Алексеев В.М. Советская синология. В кн. «Наука о Востоке». М., 1982. С. 114–159.
- ¹¹ Шпет Г.Г. Указ. соч. С. 1065.
- ¹² Алексеев В.М. Наука о Востоке. С. 193.
- ¹³ Алексеев В.М. Китайская литература. Избранные труды. М., 1978. С. 331.
- ¹⁴ Там же. С. 137.
- ¹⁵ Подробнее см.: Li Junru. On the Adapting Marxism to Chinese Conditions // Speech at General Session of the 3rd World Forum on China Studies. Shanghai. September 8, 2008.